

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА

Научная статья

УДК 111:821.161.1.09-1"18/19"

DOI: 10.46724/NOOS.2024.1.10-17

Н. П. Крохина

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФОРМЫ КОСМОПЛАНЕТАРНОСТИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Аннотация. В статье выявляются два полярных образа космоса как итог эпохи романтизма. Определяются два вектора в истории русского символизма — архаисты и апокалиптики. Базовая антиномичность, или двойственность отношения ко всему литературы Серебряного века связывается с избыточностью, переходностью, катастрофичностью эпохи рубежа веков. Отмечается, что эта двойственность зарождается в поэзии Вл. Соловьёва, а высшим ее проявлением становится полифоническая поэзия А. Блока. Дается анализ основных антиномий поэзии Блока, которая сопрягает сокровенную духовную сущность мира и теургическую задачу «освобождении пленённой Хаосом Царевны — мировой и своей души». Делается вывод, что тяготеющая то к мистерии, то к «трагическому сознанию неслиянности и нераздельности всего» поэзия А. Блока сближает гибель и возможность воскресения, а также два полярных в романтической традиции образа космоса.

Ключевые слова: два образа космоса, мироприятие, мироотрицание, всеединство, архаисты и апокалиптики, антиномичность, мировая душа, мистерия, мировой сумрак, полифония

Ссылка для цитирования: Крохина Н. П. Литературные формы космопланетарности на рубеже XIX—XX веков // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 1. С. 10—17.

Original article

N. P. Krokhina

LITERARY FORMS OF COSMOPLANETARITY AT THE TURN OF THE XIX—XX CENTURIES

Abstract. The article identifies two polar images of the cosmos as a result of the era of romanticism. Two vectors in the history of Russian symbolism are defined — archaists and apocalyptic. The basic antinomianism, or duality of attitude towards everything in the literature of the Silver Age is associated with the redundancy, transitivity, and catastrophism of the turn of the century era. It is noted that this duality originates in the poetry of Vl. Solovyov, and its highest manifestation is the polyphonic poetry of A. Blok. The analysis of the main antinomies of Blok's poetry is given, which combines the innermost spiritual essence of the world and the theurgic task of “freeing the captive Chaos of the Princess of the world and her soul”. It is concluded that A. Blok's poetry, which tends to the mystery, then to the “tragic conscious-

ness of the incongruity and indivisibility of everything”, brings together death and the possibility of resurrection, as well as two polar images of the cosmos in the romantic tradition.

Keywords: two images of the cosmos, world perception, world negation, unity, archaists and apocalypics, antinomism, world soul, mystery, world twilight, polyphony

Citation Link: Krokhina N. P. (2024) Literary forms of cosmoplanetarity at the turn of the XIX—XX centuries, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 10—17.

Мне уже приходилось писать о том, что в космическом мироощущении русских писателей конца Нового времени сложно переплетаются два образа космоса: грозный, отчужденный космос, бесконечно превышающий человека, и творимый софийный космос, пронизанный красотой и гармонией.

Данный материал является продолжением намеченной темы. Два полярных образа космоса являются итогом эпохи романтизма. Два полярных миропонимания четко выражены в немецком и американском романтизме. Блок будет размышлять о тезе и антитезе своего духовного пути, которые неотделимы от романтической традиции. Блок начинает с мистической утопии о преобразующей мир и поэта Вечной Женственности. С мистической утопии преобразования мира, возвращения золотого века начинался немецкий романтизм, уходящий своими корнями в мистику Я. Бёме, И. Гамана, Ф. Баадера. «Человек — мессия природы», для Новалиса [Новалис, 2003: 241], призванный победить отпавшую от духовных сил материальную природу, разбудить душу мира, соединить конечное и бесконечное, реальное и идеальное. Романтизм содержит две модели мира — мироприятие (ибо сущность мира духовна) — стремление к универсальному синтезу, всеединству и мироотрицание. В немецком романтизме происходит быстрый переход от раннего к позднему романтизму с его двоemiрием (Гофман), иррационализмом и пессимизмом (Шопенгауэр). «Историю позднего романтизма открывают уже «Ночные дозоры» Бонавентуры» (1804) [Федоров, 2004: 104]: утопия Новалиса сменяется антиутопией, мир предстает игрой мрачных сил, зло реальным, творение неудавшимся. В американском романтизме, который развивался позднее, эти две модели сосуществуют параллельно. Американский трансцендентализм вслед за Шеллингом утверждает единство микро- и макрокосма, Бога, природы и человека. Все в мире взаимодействует. Воплощением идей трансценденталистов становится поэзия У. Уитмена, в которой нет границ между «я» и миром, индивидуальное и универсальное едины. Человек причастен ко всему, поэт — медиум всего. В природе растворено высшее духовное начало, и потому мир — всеединство, человек — звено в бесконечной цепи предков и потомков, бесконечном круговороте жизни, в котором братьями и сестрами становятся животные и растения. Европейским аналогом этой поэзии космического всеединства становится поэзия Э. Верхарна начала XX века. Этой вере в единство мира и взаимосвязь всего противостоит трагическое миропонимание Э. По и Г. Мелвилла в романе «Моби Дик»: во вселенной нет высших сил, направляющих жизнь человека. В ней нет ни Бога, ни абсолютного духа, ни провиденциальных законов. В ней — только безмерность, пустота и неопределенность. Она безразлична к человеку. Образом жизни становится океан, в основе мира — дисгармония.

Эти полярные образы мира проходят через всю литературу XIX века — века перехода от классического антропоцентризма к антропокосмизму. Пафос причастности хотя бы на миг «жизни Божеско-всемирной» определяет творческий путь Гёте, Ф. Тютчева, А. Фета — всех тех, кого символисты называли основоположниками символизма и своими учителями. Как отмечал Л. Долгополов, с Тютчевым в русскую поэзию приходит тема «полной причастности человека к мировому круговращению» — включенности «в общий поток мировой жизни» [Долгополов, 1985: 122—124]. Каждый писатель тяготеет к тезе или антитезе романтической традиции. Тютчев как певец хаоса и бездны тяготеет к трагическому (= безысходному) миропониманию. У Тургенева — наследника романтической традиции, под влиянием философии Шопенгауэра нарастает острейшее чувство враждебности природы к личности, индивидуальности, которая была для него величайшей ценностью. «Мне нет до тебя дела, — говорит природа человеку, — я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть» [Тургенев, т. 7: 51]. И наоборот, природа вносит в малый мир героев Мопассана великую поэзию, покой и гармонию, божественную полноту. В своем восприятии природы Мопассан — пантеист. В природе Тургенева также есть глубокий покой, тишина, кротость, «чистая лазурь», но тайна ее чаще всего враждебна человеку. «О, как тиха и ласкова была ночь, какою голубиною кротостию дышал лазурный воздух». Автор передоверяет героине романа «Накануне» в женственном топосе Венеции свои сокровенные сомнения: «Ужели это все только в нас, а вне нас вечный холод и безмолвие? Ужели мы одни...одни...а там, повсюду, во всех этих недостижимых безднах и глубинах, — все, все нам чуждо? К чему же тогда эта жажда и радость молитвы?» [там же, т. 8: 156] или чудо красоты. «Довольно» — тургеневский манифест противоположности человека и природы. «Покорная законам, она не знает искусства, как не знает свободы, как не знает добра». «Она создает, разрушая, и ей все равно, что она создает». Человек «сродни чему-то высшему, вечному — и живет, должен жить в мгновенье и для мгновенья» [там же, т. 9: 120—121]. Эту тему Тургенев доведет до завершения в «Стихотворениях в прозе». Для нее равны все ее создания, она не ведает «ни добра, ни зла», разум ей «не закон» [там же, т. 13: 146, 188—189]. Тургенев акцентирует диссонанс человека и природы. Мопассан, сохраняя чувство божественности природы, передает оскудение этого высшего начала в современном человеке.

Центральная проблема эпохи символизма — преодоление индивидуалистического отъединения личности от бытийного целого. Тема кризиса индивидуализма — важнейшая в работах Вяч. Иванова. Уже в творчестве Достоевского с его многоголосием он видит рождение внутреннего «я» как всечеловеческого, вселенского я. «Восприимчивым и планетарным должен быть художник» — писал Иванов, вопрошая: какую хочет стать поэзия? — и отвечая: «вселенскую, младенческую, мифотворческую» [Иванов, 1994: 75, 71], сближая в поисках «нового синтетического мирозерцания» миф и искусство, искусство и религию, становясь теоретиком неомифологизма и нового религиозного сознания как «чувствования связи всего сущего» [там же: 69, 143]. Недавно я писала, что, исходя из основного содержания мифопоэтического сознания — космогония и эсхатология — можно выявлять два вектора в истории русского символизма — архаисты и апокалиптики [Крохина, 2020: 195—197]. Первые вступают в неразрешимый конфликт с современностью и, подобно романтикам, уходят

в великое — героическое и мифопоэтическое прошлое. Так, К. Бальмонт создает свои вселенские напевы в «Белом зодчем», «Ясене», «Сонетах солнца, меда и луны», а в поэзии 1920-х годов судит апокалиптическую современность с точки зрения великого прошлого России. Путь второй — путь А. Блока — трагический путь слияния с переходной, кризисной, апокалиптической современностью. Из программной апокалиптичности, восходящей, как и в мифологеме вечной женственности к исканиям Вл. Соловьёва, проистекает программная блоковская антиномичность, или двойственность отношения ко всему, о чем он неоднократно писал в письмах и дневниках [Блок, т. 8: 183 (1907 год); Блок, т. 7: с. 365 (1919 год)]. Если писатель романтической традиции тяготел к одному из полюсов романтического мировосприятия, литература Серебряного века, отражая избыточность, переходность, катастрофичность своей эпохи, в своей базовой антиномичности сопрягает полярности — мир страшный и странный, утопию и антиутопию, мироприятие и мироотрицание. В пути поэта-апокалиптики свет и тьма, спасение и гибель антиномически сближены, в чем проявляется символизм как обострение синтетических устремлений романтизма.

Язык русского символизма зарождается в поэзии Соловьёва. О сущности этого языка ярко писал К. Мочульский: «Сокровенная сущность мира духовна и светоносна; образ ее — «золотистая лазурь», небесный эфир, озаренный солнечными лучами. Она едина: всюду, в душе и в космосе, разливается один океан лазури, все собой заполняя и соединяя небо с землей и с человеком». Это «духовное всеединство... есть живое и личное бытие..., женственная красота» — София, Вечная Женственность [Мочульский, 1995: 68]. Лирический герой этой поэзии — преображенный, посвященный в таинство софийной сущности мира. Это поэзия о таинстве обретения мирового сознания — в знаменитом обращении к Земле-владычице: «Родного сердца пламень ощутил я, / Услышал трепет жизни мировой» [Соловьёв, 1974: 77]. В своем определении «назначение человека — спасти мир от хаоса» [Соловьёв, 2000: 287] он был продолжателем романтиков, для которых человек — «Мессия природы» (Новалис). Об универсализме Соловьёва ярко писал Н. А. Бердяев: «Самое необычайное в Соловьёве, коренное, проходящее через всю его жизнь, — это его чувство вселенскости, его универсализм... Жил он в единении с душой мира, которую, как верный рыцарь, хотел освободить из плена» [Бердяев, 1991: 357], о чем размышлял Блок в статье «Рыцарь-монах»: «Все мы, насколько хватит сил, должны принять участие в освобождении пленённой Хаосом Царевны — мировой и своей души. Наши души — причастны Мировой» [Блок, т. 5: 454]. Так Блок формулирует восходящую к Соловьёву и требующую подвига (см. стихотворение Вл. Соловьёва «Три подвига») теургическую задачу своей поэзии. Теургия — воплощение идеального в реальной жизни. Эта теургическая задача определяет апокалиптический строй поэзии Блока, недаром Белый называл Блока новым человеком, устремленным к «новой жизни».

Поэт пытается проникнуть в тайну мира. «Имя почти угадано». Мистическая теза символизма — это теза и романтического миропонимания о преобразующей мир в царство духа, любви и гармонии мировой душе, вечной женственности. Опыт Блока, как писал К. Мочульский, «ставит его в один ряд с Яковом Бёме, Сведенборгом, Сен-Мартеном, Вл. Соловьёвым. Он — духовидец» [Мочульский, 1997: 51]. Герой этой мистерии «На рубеже безвестной встречи / С началом близким и чужим» [Блок, т. 1: 80]. «Предо мною — грань

Богопознания» [там же: 129]. Но его видения двойственны: «Как ясен горизонт! И лучезарность близко. / Но страшно мне: изменишь облик Ты»; «Но просиял твой свет / И вдруг исчез — в далёкие туманы»; «Вижу зори вдаль» и «Весенний день сменяла тьма» [там же: 94, 109, 170, 181, 231]; «Завет служенья Непостижной» и борьба в душе и мире света и мрака.

Свет и мгла, хаос и космос борются и в поэзии Соловьёва, и в ранней лирике Блока. Мифологема Вечной Женственности, организующая творчество Блока, порождает уже в ранних стихах «двойственное ко всему отношение» [там же, т. 8: 183]. Образ «таинственной подруги» [Соловьёв, 1974: 71] у Соловьёва, обозначающий грань и переход двух миров, столь же двойственен, как основные словообразы его поэзии. О гностицизме соловьевской и блоковской Софии, склонной к катастрофам и падениям, писали уже и А. Белый, и С. Булгаков. Но дело, видимо, не столько в этих далеких истоках этой антиномичности, сколько в воплощении двоящегося духа времени (о чем, в частности, размышлял А. Белый: жизнь и смерть в нас борются [Белый, 1994: 256]). Стихийно-катастрофический образ мира порождает обостренный антиномизм блоковского мировосприятия. Из интуиции космической Софии, подверженной катастрофам и падениям, Блок создает богатейшую неомифологию метаморфоз хаосогенной Мировой души. «Мир устроен так, что не могут не выступить на сцену темные силы там, где началась мистерия», по мысли Блока [Блок, т. 6: 388—389]. Или, как говорил сам Блок о своих ранних стихах (в письме А. Белому 1910 года), «вся история моего внутреннего развития «напророчена» в «Стихах о Прекрасной Даме» [там же, т. 8: 317]. К мистерии тяготеет ранняя лирика Блока, как зрелая — к «трагическому сознанию неслиянности и нераздельности всего» — программная блоковская формула своего антиномического мироотношения [там же, т. 3: 296 (Предисловие к поэме «Возмездие» 1919 года)].

Мировая Душа оказывается во власти хаоса, мирового сумрака. Антиномичностью проникаются образы вечно-женственного начала (изначально спасительного в поэзии Блока). Софийную героиню сменяет героиня стихийная — Снежная Дева, Комета, метельный образ России — святые из бед и погубелей. «Мир во зле лежит», разлад с миром нарастает в поэзии Блока, порождая мифологеми мировой ночи и «страшного мира» — образ пустой, безумной и бездомной жизни современного человека, стирающей различия между живым и мертвым. Поэт обречен на гибель в этом мире. Потому «искусство есть Ад» [там же, т. 5: 433]. «Есть в напевах твоих сокровенных / Роковая о гибели весть» [там же, т. 3: 7]. В поэзию Блока входит хриstopодобная тема «сораспятия» [там же: 463] с миром. Поэт сознает себя «невоскресшим Христом» [там же: 246], погибающим в битве со «старым роком» [там же: 80], не свершившим свой подвиг освобождения спящей царевны, мировой души. Блок говорит о своей «любви к гибели» (Письмо А. Белому от 22.10.1910) [там же, т. 8: 317]. Трагический герой обречен погибнуть. Но гибель не напрасна: «Донна Анна в смертный час твой встанет»; «Вспоённая твоею кровью, / Созреет новая любовь» [там же, т. 3: 81, 86]. Неслиянны и нераздельны в поэзии Блока прежде всего гибель и воскресение. Такова цена победы космоса над хаосом, мира несказанного над «страшным миром».

В пути поэта-апокалиптика свет и тьма, спасение и гибель антиномически сближены. Есть «непроглядный ужас жизни», но «в тайне мир прекрасен», реальны и «жизни сон глухой», и «несбыточная явь», мир «страшный» и мир

«странный», душевная опустошенность и озаренность, забвение и память, дантевский «путь из мрака к свету» и «из света в сумрак переход» [там же, т. 1: 28; т. 3: 21]. «Удесятеренная жизнь» в мире Блока состоит в постоянном качании маятника. Душа падает в «бездны отчаяния» [там же, т. 6: 370, 418], «готовая умереть, она чудесно возрождается; готовая к полету, срывается в пропасть... израненная — поет... Истопанная — возносится к прозрачной синеве...» [там же, т. 2: 372 (Предисловие к сборнику «Земля в снегу» 1908 года)]. Эта поэзия знает мрак и нищету мира и равно знает «мира восторг беспредельный». Поэзия Блока акцентирует мировую антиномичность. Все двулико, все двойственно в поэтическом мире Блока. Все жизненно-ценное в этом мире поставлено под знак трагически-двойственного отношения к явлению: история, родина, культура, творчество, страсть. Сближение полярностей ведет к рождению «полифонического» сознания, «многоголосия» в зрелом творчестве А. Блока, как писала З. Г. Минц [Минц, 1999: 182]: душа падает и возносится в синеву, изменяет и остается верной своим изначальным интуициям.

Истинная реальность — мировая гармония, вечная женственность, мировая душа, София, женственная, одушевленная, космическая красота — остается сущностью мира и для зрелого творчества Блока, где это новое мироощущение было выразимо через понятие близости к «музыкальной сущности мира». Художник отдается «музыкальной волне, исходящей из мирового оркестра» [Блок, т. 6: 101—102], слышит «мировую музыку» [там же, т. 5: 379, 417], в которой «Радость, страданье — одно», «Мелодией одной звучат печаль и радость» [там же, т. 3: 239].

Разумеется, не гармония — ключевое слово для блоковского пути. Но, размышляя о назначении поэта в своей итоговой речи 1921 года, Блок утверждает, что поэт — «сын гармонии». А гармония — это «согласие мировых сил, порядок мировой жизни». Реальный мир для Блока стихийен и хаотичен. Только поэт освобождает звуки «из родной безначальной стихии», приводит эти звуки в гармонию, дает им форму и пытается внести эту гармонию во внешний мир. Речь идет об особом, чисто эллинском понимании космоса в мире Блока. «Космос — устроенная гармония» [там же, т. 6: 161—162]. В реальном мире нет космоса. Космос творится человеческим духом, как в греческой мифологии космос творили олимпийские боги. Внутреннему порядку мировой жизни — космосу, гармонии, мировой душе, вечной женственности в мире Блока противопостоят стихия, хаос, вихри и бури современной переходной эпохи.

«Напряжение, создаваемое полярностью двух мироощущений — восторженно-жизнелюбивого и безысходно-трагического, — пронизывает мельчайшие клеточки бунинского текста» [Сливицкая, 2004: 46] — суждение равно можно адресовать и Блоку. Таков был дух времени, порождающий полифонию зрелого Блока, безмерность души в поэзии Цветаевой, стирающую все оппозиции, избыточного героя И. Бунина, притягивающего жизнь и смерть. В переходе к антропокосмизму предметом изображения писателя становится «бесцельно-блаженный поток жизни, стихийная сила бытия», как писала Л. Колобаева о романах «Жизнь Арсеньева» и «Доктор Живаго» [Колобаева, 1998: 137]. Этот поток жизни несет вечное обновление, счастье существования, но также катастрофичность и гибель, сближая два полярных в романтической традиции образа космоса.

Библиографический список / References

- Белый А. Символизм // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 255—259.
(Bely A. Symbolism, in Bely A. *Symbolism as a worldview*. Moscow, 1994, pp. 255—259. — In Russ.)
- Бердяев Н. А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьёва // Книга о Вл. Соловьёве. М.: Советский писатель, 1991. С. 355—373.
(Berdyayev N. A. The problem of East and West in the religious consciousness of Vl. Solovyov, in *Book about Vl. Solovyov*, Moscow, 1991, pp. 355—373. — In Russ.)
- Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960—1963.
(Blok A. A. *Collected works*: In 8 vol., Moscow; Leningrad, 1960—1963. — In Russ.)
- Долгополов Л. К. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX века. Л.: Советский писатель, 1985. 352 с.
(Dolgorolov L. K. *At the turn of the century. About Russian literature of the late XIX — early XX century*, Leningrad, 1985, 352 p. — In Russ.)
- Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
(Ivanov Vyach. *Native and universal*, Moscow, 1994, 428 p. — In Russ.)
- Колобаева Л. А. От временного к вечному: Феноменологический роман в русской литературе XX века // Вопросы литературы. 1998. № 3. С. 132—144.
(Kolobaeva L. A. From the temporal to the eternal: a phenomenological novel in Russian literature of the XX century, *Questions of literature*, 1998, no. 3, pp. 132—144. — In Russ.)
- Крохина Н. П. Архаисты и апокалиптики: о двух началах в русском символизме // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых... Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 195—197.
(Krokhina N. P. Archaists and apocalypticism: on two principles in Russian symbolism, in *Shuya session of students, graduate students, teachers, young scientists...*, Ivanovo, 2020, pp. 195—197. — In Russ.)
- Минц З. Г. Поэтика Ал. Блока. СПб.: Искусство-СПб., 1999. 727 с.
(Mints Z. G. *Poetics of Alexander Blok*, Saint Petersburg, 1999, 727 p. — In Russ.)
- Мочульский К. В. Владимир Соловьёв: Жизнь и учение // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 61—216.
(Mochulsky K. V. Vladimir Solovyov: Life and teaching, in Mochulsky K. V. *Gogol. Solovyov. Dostoevsky*, Moscow, 1995, pp. 61—216. — In Russ.)
- Мочульский К. В. А. Блок. А. Белый. В. Брюсов. М.: Республика, 1997. 478 с.
(Mochulsky K. V. *Alexander Blok. Andrei Bely. Valery Bryusov*. Moscow, 1997, 478 p. — In Russ.)
- Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Наука, 2003. 280 с.
(Novalis. *Heinrich von Ofterdingen*, Moscow, 2003, 280 p. — In Russ.)
- Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. 268 с.
(Slivitskaya O. V. “*Heightened sense of life*”: *The world of Ivan Bunin*, Moscow, 2004, 268 p. — In Russ.)

Соловьёв В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974. 352 с.
(Solovyov V. S. Poems and comic plays, Leningrad, 1974, 352 p. — In Russ.)

Соловьёв В. С. Россия и вселенская церковь // Соловьёв В. С. Чтения о Богочеловечестве. СПб.: Азбука, 2000. С. 243—338.

(Solovyov V. S. Russia and the Universal Church, in Solovyov V. S. *Readings on Godmanhood*, St. Petersburg, 2000, pp. 243—338. — In Russ.)

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т. М.; Л.: Наука, 1960—1968. Т. 7. Поездка в Полесье; т. 8. Накануне; т. 9. Довольно; т. 13. Стихотворения в прозе.

(Turgenev I. S. *Full composition of writings and letters*: In 28 vols. M.; L.: Nauka, 1960—1968. Vol. 7. “Trip to Polesie”; vol. 8. “The day before”; vol. 9. “Enough”; vol. 13. Poems in prose. — In Russ.)

Фёдоров Ф. П. Художественный мир немецкого романтизма. М.: МАК, 2004. 368 с.

(Fedorov F. P. *The artistic world of German romanticism*, Moscow, 2004, 368 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.01.2024; одобрена после рецензирования 31.01.2024; принята к публикации 01.03.2024.

The article was submitted 04.01.2024; approved after reviewing 31.01.2024; accepted for publication 01.03.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Крохина Надежда Павловна — доктор филологических наук, доцент кафедры культурологии, профессор кафедры культурологии и изобразительного искусства, Шуйский филиал Ивановского государственного университета, г. Шуя, Россия, nadin.kro@mail.ru

Krokhina Nadezhda Pavlovna — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of Cultural Studies, Professor of the Department of Cultural Studies and Art of the Shuya branch of the Ivanovo State University, Shuya, Russian Federation, nadin.kro@mail.ru